

**Виталий
НИЛОВ**

г. Петрозаводск

Поэзия на страницах красноармейских газет Карельского фронта

*Мне сказали: «Смерть тебе страшна,
Потому что жизнь ты любишь очень».
Я ответил: «Кто же жить не хочет?!
Жизнь люблю я... Но когда война...
Пусть я жизнью крепко дорожу, –
Я ее во имя процветанья
Родины отдам без колебанья
И в бою я это докажу»[1].*

Эти строки написал не профессиональный поэт, а рядовой красноармеец Николай Гудовский. Его стихотворение было опубликовано в газете 26-й армии Карельского фронта «Красноармейский удар» 10 августа 1943 года.

Под этими строками могли бы подписаться сотни и других поэтов в солдатских шинелях, защищавших нашу страну и одержавших 75 лет назад Великую Победу.

Кто-то остроумно заметил, что любое историческое событие оставляет о себе два рода текстов: канонические и апокрифические.

Если канон – это исторические факты, то апокриф – это комплекс личных переживаний, ощущений, рефлексии, воспоминаний и осмысления.

Действительно строгая научная литература о войне заполнена точными датами сражений, номерами воинских подразделений, фамилиями командиров и бойцов, описаниями подвигов героев... Однако без свода чувств и эмоций участников событий эта историческая картина лишится живых красок и души.

Красноармейская печать Карельского фронта в этом плане является уникальным собранием исторических источников, в которых отразились не только приказы командования, заметки с передовой, очерки о боевых действиях воинов, но и те сокровенные мысли, переживания и чувства, с которыми защитники Родины поднимались в бой и громили ненавистного врага.

Одним из таких документов, сохранившихся военными газетами, является фронтовая поэзия.

* * *

У Священной войны была священная поэзия.

Война придала поэтическому слову особое значение, сопоставимое с нравственным императивом и смыслом боевых приказов. Не случай-

но в красноармейских газетах стихотворения соседствовали с распоряжениями командования.

Эти стихи звали в бой, воспевали стойкость, мужество и героизм воинов, напоминали о родном доме и близких людях, которых надо защитить и освободить.

Особый мир и ритм поэтического слова помог пережить и переломить в сознании нечеловеческий вал смерти, разрушений и хаоса, оберегал и очищал души бойцов. Он давал шанс глубже и иными глазами смотреть на происходящее и находить новые силы для победы.

К стихотворным текстам военной прессы, очевидно, неприменима шкала высокой или низкой, хорошей или плохой поэзии. Они писались не «на века», а для «дела». Для них справедливы были бы слова Владимира Маяковского: «Умри, мой стих, умри, как рядовой, как безымянные на штурмах мёрли наши» [2].

Несовершенство рифмы, торопливость изложения, незавершённая мысль, неотделанность той или иной стихотворной строки сегодня свидетельствуют о тяжести войны больше, чем это могли бы сказать отделанные до совершенства, написанные на досуге произведения.

* * *

На Карельский фронт приезжало немало прославленных советских поэтов: Константин Симонов, Семен Кирсанов, Павел Шубин, Василий Лебедев-Кумач, Александр Жаров, Ярослав Родионов, Николай Флеров, Николай Букин и другие, однако в едином строю с ними фронтовую поэзию создавали и сотни непрофессиональных авторов, и этот союз оказался настолько прочным и органичным, что в некоторых стихах даже трудно точно обозначить существенную грань между строками профессиональных поэтов и поэтическими творениями красноармейцев, поскольку в одном хоре с «разговорной» лирикой Константина Симонова можно услышать возвышенные эпические голоса поэтов в погонах, стремящихся охватить своими строками весь масштаб великой битвы и подняться до обобщения конечных истин человеческого существования.

* * *

Среди нескольких десятков армейских и дивизионных периодических изданий наиболее активно обращались к жанру поэзии газета политуправления Карельского фронта «В бой за Родину», ар-

мейские газеты: «Часовой Севера» (14-я армия), «Красноармейский удар» (26-я армия), «Боевой путь» (32-я армия), «Сталинский боец» (19-я армия), а также такие дивизионные газеты, как «Вперед» (368-я стрелковая дивизия), «За Родину» (1-я смешанная авиадивизия 14-й армии), «Героический поход» (122-я стрелковая дивизия) и др.

Разовый тираж газеты «В бой за Родину» в первый период войны составлял до 15 тыс. экземпляров, газет отдельных армий – 8-10 тыс., а дивизий – от 500 до 2 тыс. В целом разовый тираж периодической печати Карельского фронта составлял около 100 тыс. экземпляров. И практически в каждую редакцию регулярно приходили поэтические тексты, часть из которых потом появлялась в печати.

* * *

Локализацию поэтического текста на страницах военных газет можно объяснить целым рядом причин.

Во-первых, согласно положениям классической военной науки, «война есть общение людей между собою» [3], где важны все виды и формы коммуникации. Причем средства массовой информации занимают особое место, поскольку относятся к «несиловым факторам ведения войны» [4] и обеспечивают «деятельность воли против одухотворённого реагирующего объекта» [5]. С этой целью в период военных действий пропагандистские и воспитательные функции массовой коммуникации расширяются и обогащаются дополнительными способами нравственного и эмоционального воздействия, поскольку для победы решающее значение имеет высокий моральный и боевой дух воинов, их убежденность в справедливом характере войны, вера в силу и способность государства отразить агрессию врага, наконец, высокие духовные ценности, ради которых они готовы отдать свою жизнь.

Немаловажной причиной являются также жанровые преимущества поэзии, поскольку стих на войне, по словам Николая Тихонова, «писался быстро, не занимал в газете много места, сразу поступал на вооружение...» [6].

Становлению и эволюции поэтического слова на страницах красноармейских газет Карельского фронта во многом способствовало то, что с самых первых дней войны многие из их редакций начали наряду с военными сводками, приказами командования и заметками с линии фронта печатать и поэтические материалы, активно поддержали самодетельное творчество своих читателей.

Редакция газеты «В бой за Родину» для публикации стихов своих читателей ввела рубрику «Фронтная лирика», газеты «Часовой Севера» – «Стихи с фронта», газеты «Красноармейский удар» – «Красноармейские стихи» и «Солдатские думы», газеты «Сталинский боец» – «Фронтные стихи», газеты «За Родину» (1-я авиадивизия 14-й армии) – «Страничку красноармейского творчества» и «Литературную страницу» и т. д.

Причем эти рубрики и поэтические разделы на газетных полосах стали появляться уже с первых дней войны.

* * *

3 июля 1941 года в газете «Часовой Севера» под рубрикой «Стих с фронта» было напечатано стихотворение красноармейца Фоменко «Товарищу из нового пополнения», в котором автор призывал своих товарищей дать решительный отпор врагу, воевать умело и храбро, хранить веру в победу.

11 июля 1941 г. со стихотворением «За Родину» обращается к своим боевым товарищам младший политрук Титова, напоминавшая о тех высоких ценностях, которые надо отстаивать, не щадя жизни.

Одновременно в газете появились стихи сержанта Орловского, посвященные героическим подвигам бойцов 52-й дивизии: «Баллада», «Знаменосец Павел Русанов» [7], а также стихотворения красноармейцев Фоменко, Пащенко, Новикова, Попова и других самодеятельных авторов, поэтическое творчество которых было сразу поддержано литературным сотрудником редакции «Часового Севера», ленинградским литературоведом Борисом Костелянцем в специальном обзоре, опубликованном 16 июля 1941 г.

В другом литературном обзоре, подготовленном менее чем через месяц сотрудником редакции этой газеты ленинградским поэтом Владимиром Заводчиковым, были проанализированы стихи младшего сержанта Егорова, ефрейтора Муравьева, связиста Трофимова и артиллериста Карзанова [8].

Опубликовав несколько корреспонденций с передовой, обратился к поэзии и молодой журналист газеты «Часовой Севера» Константин Бельхин. В своих стихах он с уверенностью утверждал, что «Нашего счастья врагу не отнять» [9]. Тонко понимая и остро чувствуя значение поэтического слова на войне, способного рождать «жгучую ненависть» и «большую любовь», он выразил роль военной поэзии следующими словами: «Надо, чтобы поэт, написавший стихотворение, подхо-

дил к нему с таким требованием: учит ли это его стихотворение воевать, мобилизует ли оно чувства, мысли, волю бойцов» [10]. Журналист сам был мобилизован поэзией и погиб летом 1943 г., выполняя задание газетной редакции.

Чуткое понимание важной роли поэзии в военной газете застало другого молодого журналиста, военкора фронтальной газеты «В бой за Родину» Николая Занина обращаться к стихам. 7 ноября 1942 г. в газете «Красноармейский удар» была опубликована его поэма «Подвиг», в которой рассказывалось о подвиге красноармейца Ивана Сивко, который, будучи окружен врагами, взорвал себя гранатой [11]. Сам Занин был постоянно на переднем крае: ходил с разведчиками в тыл противника, бросался с солдатами на штурм вражеских укреплений, оборонялся с пехотинцами и артиллеристами на огненных рубежах, шел по минным полям с саперами, прокладывая путь, участвовал в овладении крупными опорными пунктами врага [12].

Ответственный редактор газеты «Героический поход» (122-я дивизия) Г. Динов в своем обзоре поэтического творчества читателей писал в декабре 1941 г.: «За время войны редакция получила много стихов и песен, написанных красноармейцами и командирами наших подразделений. В стихах и песнях выражены замечательные чувства советских патриотов. Тревога за судьбу Родины, неукротимая ненависть к врагу, любовь к героям Отечественной войны, любовь к великому Сталину, неугасимая вера в победу – таково основное содержание литературного творчества бойцов и командиров». Далее журналист провел разбор присланных в редакцию стихов красноармейцев Деева, Левченко, Николаева, Ялотина, санитаря Грачева, замполита Быкова, привел примеры наиболее типичных стихотворных строк [13].

* * *

Использование поэтического жанра на страницах красноармейских газет не оставалось без внимания и поддержки военного командования и политического руководства Карельского фронта. В марте 1942 года политуправление Карельского фронта провело в Мурманске специальное совещание поэтов и писателей. При поддержке политуправления фронта в 1942 г. в издательстве газеты «Часовой Севера» вышел в свет первый сборник стихов фронтовых поэтов – «Бойцы Заполярных гор». В эту небольшую книжечку вошли стихи красноармейцев И. Шамякина, А. Бордюговского, Н. Новикова, С. Грекова,

Анны Гончар, В. Волгина, В. Балашова, политрука Н. Букина, М. Гуриненко, а также редакционных поэтов К. Бельхина, Б. Кежуна, Вл. Заводчикова, Г. Орловского.

Постоянное внимание и поддержка сотрудниками редакции поэтического творчества воинов во многом способствовали тому, что за неполных два года войны, например, только в редакцию газеты «Часовой Севера» поступило свыше двух тысяч стихотворений самодеятельных авторов [14].

* * *

Аналогичная работа с самодеятельными авторами велась и редакциями других красноармейских газет.

В подборке стихов, опубликованных в «Страничке красноармейского творчества» редакции газеты «За Родину» в июне 1942 г., можно было прочитать стихи красноармейцев Ананченко «Мать и сын», Бойкова «По приказу наркома», Барсукова «Поединок», Иванова «Вперед – к победе!» [15].

В частности, Ананченко в своем стихотворении создал образ молодого партизана, который мстит врагам за убитую ими на его глазах мать. Барсуков в поэтической зарисовке представил драматическую ситуацию боя с немецкими танками. В стихах Бойкова было ярко и эмоционально выражено стремление воинов по приказу наркома обороны «по-суворовски бить палачей».

Ярким боевым настроением и искренним патриотическим чувством было проникнуто и опубликованное здесь стихотворение красноармейца Иванова «Вперед – к победе»:

*Над головою роем воют пули,
На клочья рвет простор снарядов гром,
Пред боем товарищи вспомянули
О нашем счастье, светлом, дорогом.
Его забрать хотел проклятый фюрер,
Его, навек добытое в бою.
Мы поклялись: в свинцовой лютой буре
Сразить врага за Родину свою.
Вперед, к победе, Родины герои!
Нам не страшны смертельные бои.
Мы каждый шаг свой славою покроем,
Мы впишем в песню имена свои [16].*

Важную роль в поддержке и повышении мастерства окопных поэтов сыграло то, что в редакциях красноармейских газет Карельского фронта работали профессиональные поэты и литераторы: Аркадий Евсеев, Владимир Заводчиков, Бро-

нислав Кежун, Александр Коваленков, Илья Авраменко, Борис Лихарев, Владимир Харьюзов, Павел Шубин и другие, которые и сами регулярно печатались в красноармейских газетах. Значительная часть их стихотворений, песен и поэм, помещенных в красноармейских газетах или написанных в их редакциях, вошли в исторический фонд отечественной литературы и продолжили свою жизнь в поэтических сборниках [17].

Однако немалое число поэтических сочинений самодеятельных авторов сохранилось лишь в подшивках красноармейских газет и остается во многом малоизвестными современному читателю, хотя без них невозможно целиком представить и по достоинству оценить поэзию Карельского фронта.

* * *

Как и бытие любой поэзии, военное поэтическое слово было неразрывно связано с событиями, переживаниями и жизнью людей, одетых в шинели. Поэтому ход и характер боевых действий на Карельском фронте постоянно диктовали содержание, жанровые и стилистические особенности поэтических сочинений.

На первом самом тяжелом этапе войны многим стихотворным произведениям были присущи широкое использование газетных фразеологизмов и таких стилистических клише, которые обычно бывают свойственны военной ораторской речи, плакатная наглядность, лаконизм и т. д.

В содержании стихов часто звучали мысли, наполненные одновременно трагическими переживаниями и верой в победу.

Поэтические тексты нередко тяготели к тому, чтобы стать листовкой или очерком. Их авторы всегда были готовы «придать» энергию и эмоциональность поэтического слова и официальному документу, и информационному сообщению, и корреспонденции с переднего края, приказу о награждении.

Вот один из образцов фронтовой поэзии самодеятельных авторов, опубликованных в первые месяцы войны:

*Мы вместе с обновленной Родиной росли,
Мы вместе с ней счастливо расцветали,
Не отдадим врагам своей земли,
Как прежде никогда не отдавали.
На нас враги идут с войной сегодня,
Мешают нам трудиться и любить,
И как отцы, как деды в прошлых войнах,
Врагов мы будем беспощадно бить [18].*

Наряду с патетическими нотами в поэтических текстах этого периода войны можно услышать лирические слова, раскрывающие новые мотивы и музы творчества, появившиеся в эти суровые дни:

*Не улыбкой девичьей согрета,
Не морскими песнями пьяна,
Строгая, как северное лето,
Постучалась в комнату она,
В сапогах армейского фасона,
Волосы по ветру разметав,
Муза моих песен нерожденных
Распахнула дверь мою стремглав
И лицом к закату повернулась,
Тихо за руку меня взяла,
Глаз моих, как облако, коснулась,
Пальцем по ресницам провела.
Я увидел – в пламени заката,
Словно туча черная на луг,
Полз огромный, хищный и косматый,
Землю пожирающий паук.
И за ним – не ада ль порожденье? –
На поля народа моего
Шли пожар, и смерть, и разрушенья –
Вековые спутники его.
Над страной крылом взмахнуло горе,
Города заплывали в крови.
Можно ль ждать? Прощай, родное море,
К тихой жизни море не зови.
Пусть спадет, как лишняя обуза,
Все, что было с лириком в ладу,
За тобой, моя родная муза,
Я на битву славную пойду [19].*

Одним из самых глубоких чувств, поднимавших боевой и моральный дух воинов, была жажда отмщения врагу за причиненное зло. Одним из примеров выражения такого чувства могут быть такие строки:

*Мать, во тьму простирая руки,
Проклинает фашистских псов
За убийства, насилья, муки,
За грабеж и сожженный кров.
Голос матери к мести, к мести
Четырех сыновей зовет.
Слышишь, мать! Мы сметаем с честью
Кровожадный фашистский сброд.
Старший брат в черноморских водах
Бьет врага с корабля в упор.
Младший стал командиром взвода
Средь высоких северных гор.
Здесь он ловит врага на мушку,*

*И от меткой его стрельбы
С елей падают вниз «кукушки»,
Разбивая о землю лбы.
Третий брат в краснозвездной птице
Патрулировал в вышине
И в бою над родной столицей
Отдал жизнь, как герой, стране.
Я прошу тебя, мать героя, –
Сердца боль заглуши в груди.
Выбыл сын твой один из строя,
Но в ту ночь запылал не один
«Мессершмитт», твоим сыном сбитый...
Дважды раненный сын не мог
Сбить последнего «мессершмитта»,
И пылающий «ястребок»
Протаранил того бандита...
И везде на просторах бранных
За родные свои края
Так встречают «гостей» незваных
Вольной родины сыновья.
Я клянусь тебе, Мать-отчизна,
И тебе, дорогая мать:
Не жалея крови и жизни,
Буду грудью вас защищать [20].*

К мщению взывали глубокие, тяжелые переживания бойцов, связанные с различными увиденными трагедиями на войне:

*...Бывает на войне, что и сомкнется круг.
Стою и жду, вот заскрипела дверью,
И девушка скользнула на крыльцо.
Гляжу я не нее. Гляжу – глазам не верю:
Под волнами седин лет двадцати лицо.
Ступила шаг, другой, мне кинулась на шею,
Взглянула, что-то думала сказать,
Но вместо этого (вот передать сумею ль),
Ни слова не сказав, вдруг начала рыдать.
Она рыдала, захлебнувшись горем,
В объятьях крепко я ее держал,
Тут мук и горя разливное море,
И в сердце ненависти, злости дикий шквал
Ушел мой батальон. Ее я осторожно
На лавку у калитки посадил:
«Ну что ж, рыдай, помочь и этим можно,
Но лучше мщению отдай остаток сил!» [21].*

Позиция авторов, звавшая к отмщению и беспощадной борьбе со злом, опиралась на чувства глубокой утраты счастливой и светлой жизни, которую принесла война:

Там, где шумели белые березки,
 Где ясный полдень землю золотил,
 Где старый дуб стоял на перекрестке,
 Скворец в скворешне песню заводил.
 Там я ребенком увидал впервые
 Родных небес, родного солнца свет.
 Там дом стоял, где жили дорогие
 Родные, близкие, отец и мать, и дед.
 Теперь там дым, зола на пепелище,
 Кровавый след немецких каблуков,
 Снует огонь, свинец смертельный свищет,
 Орудий рев встает из облаков.
 Товарищ мой, бей недруга прикладом,
 Штыком коли, рази его, гони,
 Пусть русская земля для немцев будет адом,
 Пусть захлебнутся пламенем они.
 Иди вперед, усталости не зная,
 За все сполна убийцам отомсти,
 В боях за жизнь, за честь родного края
 С тобой победа встретится в пути [22].

В стихотворениях красноармейцев отразились и те чувства, с которыми они относились к врагам, попавшим в плен:

Так это ты передо мной
 Бормочешь, чуть дыша?
 О, что бы сделал я с тобой,
 Поганая душа!
 Какой ты части? Сколько лет?
 Да не скули, не плачь,
 Ты узнаешь меня иль нет,
 Недавний мой палач?
 Молчишь... ну что ж, я подожду.
 Припомни, погляди,
 Кто вырезал тогда звезду
 Здесь, на моей груди.
 Ты видишь – в шрамах вся щека
 И волос мой седой,
 Повисла левая рука,
 Пробитая тобой...
 Я плен фашистский не забыл,
 Он хуже всякой смерти был
 От зверства твоего.
 Ты на глазах моих вонзал
 В людей невинных нож
 И, если б я не убежал,
 Со мной ты сделал то ж...
 Узнал, насильник? Побледнел?
 Не бойся, я не зверь,
 Еще не горек твой удел,
 Раз в плен ты взят теперь.
 Так не дрожи за жизнь свою –
 Мы пленных не казним.

.....
 О, что бы сделал я в бою,
 Когда б сошелся с ним! [23]

Мысли героя этого стихотворения при всей своей пламенеющей ненависти, взывающей к возмездью, по сути своей далеки от призыва к мести как таковой, к отмщению, продиктованному слепой яростью, это то, что С. Наровчатов назвал «...воинствующей человечностью» [24].

Гуманистическое начало в стихах фронтовых поэтов ярко проявляется в использовании традиций русской поэзии и, в частности, наследия А.С.Пушкина:

Сражаясь с черною ордою,
 Взрывая взрывом тьму,
 Мы славим солнце молодое
 И всех стремящихся к нему.
 Мы славим Пушкина, чей голос
 Звучит за посвистом свинца,
 И всеми проклятую сволочь
 Разит в звериные сердца.
 Чей звонкий стих под гул моторов
 Отважных мстителей зовет
 На бой за русские просторы,
 За наш талантливый народ.
 Он шутит с нами и смеется,
 И мы по-пушкински хотим
 Любить, трудиться и бороться
 Под небом юным и родным.
 Сейчас, когда в пылу сраженья
 Отчизна недругов громит,
 Когда в порыве наступлений
 В бойцах отмщенья дух кипит,
 Поэта голос вдохновенный
 Нам слышен на полях войны:
 «Страшись, о рать иноплеменных,
 России двинулись сыны!»
 «Страшись!» – мы грозно повторяем
 И шквалом стали и огня
 Фашизма нечисть выжигаем
 Во имя радостного дня... [25]

Поэтому авторы знают те силы, которые способны победить зло и отомстить за горе и слезы матерей:

Два сына любимых погибли в борьбе,
 Погибли любимых два брата,
 Тяжелое горе явилось к тебе,
 Печалит мне сердце утрата.
 Но слезы, родная, – не помощь в бою –

Штык острый граненый здесь нужен.
 Я – третий твой сын – в Заполярном краю
 С врагом рассчитаюсь оружием.
 Не будут помехой ни ночь, ни метель,
 Ни ветер с морозом, со свистом.
 Когда из-за камня увижу я цель
 И стану стрелять по фашистам.
 Мы встретимся вновь – только стихнет гроза.
 «Мать» – слово для сына святое.
 Я помню улыбку твою и глаза,
 В морщинках лицо дорогое.
 Поверь мне, не сдержат нас дот и броня –
 Пусть немки повоюют, поплачут!
 Благослови же, родная, меня
 На битву, на месть, на удачу! [26]

С самых первых дней войны в стихотворениях самодеятельных поэтов часто воспевались подвиги героев. Красноармеец Ананченко в поэтическом очерке описал подвиг заместителя политура комсомольца Ивана Хорольского:

...Рассвет украсил неба шелк
 Багряными мазками,
 Противник злобной цепью шел.
 Хорольский лег за камень.
 В лесу не видно их числа.
 – Но все равно – не дрогну. –
 Пред ним фашистов цепь росла.
 Он посчитал патроны.
 – Пусть что ни будет – все равно
 Я должен, я их встречу. –
 Мельком он вспомнил дом родной:
 – Далече ты, далече. –
 Лишь сосен тьма да камни тут,
 Но все, как дом, родное.
 – Друзья ль поспеют, подойдут? –
 Упрямо сердце ноет.
 И начат бой неравных сил,
 Фашисты на прицеле.
 Упал один. Второго сбил.
 Уже десяток целый.
 Но вот патронов больше нет.
 Прошла обида дрожью.
 Он глянул тихо на рассвет
 И на гранаты тоже.
 – Ну, что ж... – Рванул рукой как мог.
 Одна – летит на гадов.
 А на вторую сердцем лег,
 Чтоб умереть как надо... [27]

В военной поэзии отразились самые сокровенные мысли и чувства, с которыми воины шли в бой:

Ты обо мне в слезах не вспоминай,
 Оставь свою заботу и тревогу,
 Неблизок путь, далек любимый край,
 Но я вернусь к любимому порогу.
 Под небом Севера, среди лесных снегов
 Твоим теплом я сердце согреваю,
 Любя тебя, иду я на врагов,
 Любовь и наше счастье защищаю [28].

Говорят, что «у войны не женское лицо», однако фронтовая поэзия не могла обойтись без мыслей о тех, кто своей любовью и верностью придавал силы и вдохновлял на бой:

Вот сержант вспоминает мимолетную встречу с девушкой:

Где берег каменный угрюм и тучи ниже гор,
 Где моря северного шум, орудий разговор,
 Где сосны смотрят с высоты в далекие края,
 Со мною повстречалась ты, тебя увидел я.
 К чему мудрить, когда проста природа рек и гор,
 О сумке красного креста я начал разговор.
 И стал мне этот край милей
 Тем, что среди огня
 Цветут глаза озер сильнее
 И смотрят на меня... [29].

И, как ответ на эти переживания молодого воина, звучит стихотворение санинструктора З.Александровой «Моя любовь»:

Моя любовь тебя хранит в бою,
 А ты об этом не слышал ни разу.
 Она идет с тобой в одном строю,
 Послушна командирскому приказу.
 Перед полетом пули разрывной
 Она тебя задержит на мгновенье,
 Она встает перед взрывной волной,
 И ты услышишь только дуновенье.
 Ты без нее добрее и слабей,
 Она смертельной ненависти учит,
 Она велит: убей врага, убей,
 Иначе враг с тобою нас разлучит.
 Я за тебя, любимый, не боюсь,
 Скажу не ошибаясь, без запинки:
 – Ты от войны не спрячешься, как трус,
 А будешь смелым в страшном поединке.
 Моя любовь хранит тебя в бою,
 Ты все пройди, все до конца изведай,
 Чтобы ко мне, чтобы в Москву мою
 Вернуться с завоеванной победой [30].

Поэты воспели и подвиг женщин – воинов Ка-

рельского фронта. Литературный сотрудник редакции газеты «Боевой путь», профессиональный поэт Владимир Заводчиков ярко воспел ратный труд одной из таких героинь:

*Наша жизнь – пулемет и граната,
Запевай нашу песнь про Христину, ребята,
Про ее боевые дела!
Испытали и немцы и финны
Силу мести отважной Христины
Из сожженного ими села.
За отчизну погиб ее милый,
И она поклялась над могилой,
Как узнала печальную весть:
«Не погаснет священная злоба,
Буду мстить людоедам до гроба!»
И горит ее грозная месть.
С ней легко испытанье любое,
И опасность смертельного боя,
И жара, и дожди, и снега.
Не страшны ей лишенья любые,
Вечно светят глаза голубые
И зовут нас вперед на врага.
Хороша у Христины работа –
Гибнет враг под огнем пулемета
От ее беспощадной руки.
Здесь отважная наша подруга
Помогает защитникам Юга
У лесной полноводной реки,
Из огня добывая победу.
Мы не раз еще вспомним в беседах
И не раз еще в битвах споем,
Как сражается воин умелый,
О подруге, о девушке смелой,
Той, которую Иной зовем [31].*

Не забыли фронтовые поэты и об отважной летчице Валерии Хомяковой:

*Сердце радостно бьется в груди,
На прицеле – врага самолет.
От расплаты ему не уйти,
В этом небе он гибель найдет.
Смерть нагонит его в вираже.
От нее не спастись в облаках,
Враг рванулся в пике, но уже
На гашетке девичья рука.
Сердце, стой! Пулеметы строчат,
Вторит пушка им басом густым,
И летит за снарядом снаряд,
И калечит паучьи кресты.
Радость рвется, и хочется петь,
Воздух в небе прозрачен и чист.
В нашем небе врагу не гудеть –*

*В клубах дыма он ринулся вниз.
На земле догорает бандит,
Истребитель летит в облаках,
Если девушка в небе летит,
Значит, смертью заплатит враг [32].*

А вот еще одна женская судьба и ратная доля, тронувшая сердце другого красноармейского поэта:

*На сугробы опустилась,
Звезды высыпала ночь.
Ты, наверно, утомилась,
Может быть, тебе помочь?
День твой очень беспокоен,
Не жалеешь ты себя,
Пять палат больничных коек,
Нас немало у тебя.
Всем больным ты как родная.
Мы довольны все тобой,
И тебя не утомляет
Этот труд умелый твой.
Всем заправишь одеяла,
Вдоль солдат пройдя как тень,
Ты тихонько нам сказала:
– Спать пора, окончен день. –
За тобою дверь закрылась,
Ночь шепнула – спать пора.
Ты ушла, но долго снилось:
Возле нас стоит сестра [33].*

Бойцы Карельского фронта знали и помнили, что их победа во многом куется и в тылу, в том числе и трудом миллионов женщин, заменивших своих мужей и сыновей у станков военных заводов:

*Местью наполнены наши сердца,
Мести высокий накал.
Немец убил твоего отца,
Сестру мою в Кельн угнал.
Немец грабит мою Беларусь,
Украину терзает твою.
Я к тебе лишь тогда вернусь,
Когда последнего гада убью.
Ты стоишь сейчас у станка,
Стал завод тебе дома родней.
Ты трудись, чтобы друга рука
Била немца винтовкой твоей.
Я в горячем жестоком бою
Буду мстить беспощадно врагу.
За работу, за винтовку твою
Не останусь, поверь, в долгу! [34]*

Уже в начале 1943 г. во многих текстах фронтовой поэзии проступает ощущение назревающего

перелома в противостоянии с противником и готовности к наступлению на врага:

*Настал жестокий час расплаты,
Вперед, богатыри, вперед!
Багровым заревом пылает
Весенний синий небосвод.
Красноармейские сердца,
Как сталь, тверды и непреклонны.
Мы в прах развеем подлеца,
Бессчетны наших войск колонны.
За слезы жен и матерей,
За выжженные наши хаты
Мстить бандам гнусных палачей
Идут советские солдаты.
Вперед! Сильней удар штыка!
Смерть! Смерть тебе, фашист проклятый,
От пуль, от мины, от клинка
Советской сабли, от гранаты [35].*

На Карельском фронте сражались бойцы 22 национальностей, и военная поэзия постоянно напоминала, что здесь под северным небом идет бой за каждую советскую республику, за каждый город и каждое село.

Многие самодеятельные поэты были покорены сказочной природой Карелии. В коротких переделках между боями в их блокнотах появлялись иногда и такие строки:

*Гаснут звезды в вышине небес,
И в сиянии зоревго света
Чуть шумит густой карельский лес,
Восхваляя тихий час рассвета.
Там сейчас по поданному знаку,
Устремив штыки в ночную тень,
Ринутся товарищи в атаку,
Чтоб победой встретить новый день.
И заря сквозь мглу морозной рани,
Бросив луч на сталь холодных дул,
Озарит их поле грозной брани
И над павшим встанет в караул.
Грохот боя тишину разбудит,
Утро день с собою приведет.
Пусть он для врага последним будет,
Пусть над ним он солнцем не взойдет.
Гаснут звезды. Черный мрак редет.
Тает в небе бледная луна.
Над тайгой холодный ветер веет,
И гремит священная война [36].*

Глубокая вера в то, что на карельской земле настанет час мира и тишины, звучала в стихотво-

рении литературного сотрудника армейской газеты, известного поэта Бронислава Кежуна:

*Когда окончится война,
В горах наступит тишина.
Как тихо будет тут!
Не грохнет выстрел ни один...
Воронки, черные от мин,
Морошкой зарастут.
И будут горы и леса
Еще, еще родней,
Еще синее небеса,
Вода еще вкусней.
И будет солнце день и ночь
Сиять нам с вышины
Еще прекрасней, чем оно
Сияло до войны.
И только клочья проводов
В изломанных кустах
Да сотни касок и крестов
Напомнят о боях [37].*

Бойцы в своих стихотворениях признаются в любви к России:

*Люблю тебя, Россия-мать,
Твои овраги и леса,
Рассветов легких благодать,
Птиц перелетных голоса.
Твои озера и ручьи,
Веселый шум березняка,
Сады цветущие твои,
Над вольной степью облака.
Мила мне русских песен ширь,
Сказанья наших грозных дней...
Народ сложил их – богатырь
Во славу родины своей.
Я за тебя, Отчизна-мать,
Отдам и кровь, и жизнь свою.
Твоих просторов не топтать
Фашистскому зверью [38].*

Это выражение любви к родной земле часто переплетается с душевной болью за страдания земляков в захваченных родных деревнях и селах:

*Выйди утром в широкое поле,
Слышишь, гул издалека идет.
Это Дон многоводный в неволе
Гневно волнами о берег бьет.
Это, злобный и неумолимый,
Рыщет зверь по великой Руси.
Это голос далекой любимой
Долетает призывом – «Спаси!»*

*Нет, не песня, что пела когда-то,
Долетает к тебе сквозь туман,
Это в рабство уводят солдаты
Дорогих и родных поселян.
И, быть может, поникнув главою,
Вместе с ними идет и она,
Обреченная черной судьбою,
Молодая твоя жена.
Горе душу ей надрывает,
Сколько пролито слез из очей.
Слышишь, к мести она призывает,
Так спаси же ее поскорей! [39]*

Ряд стихотворений бойцов Карельского фронта посвящено Украине, страдающей под гнетом фашистских оккупантов, и их авторы – украинцы, переживая страдания земляков, в то же время ясно понимали, что судьба их края решается и здесь, на Карельском фронте:

*Здравствуй, край тревог и счастья,
мать карельская тайга,
принимай в свои объятья
с Украины паренька...
Он не дрогнет в жарком деле,
он принес, тайга, тебе
храбрость в сердце, крепость в теле,
меткость глаза при стрельбе...
Далеко ты, город Киев,
отчий дом еще далек.
Но... отец и мать родная, к вам
пробьется ваш сынок! [40]*

Поэтому свои мысли и мечты о родной и свободной Украине авторы неизменно связывали с той битвой, которая идет с врагом здесь, на карельской земле:

*У нас сердце кипит борьбой
Неукротимо с новой силой,
Мы скоро встретимся с тобой
На Украине нашей милой.
На Украине золотой
И навсегда освобожденной.
Что нынче стонет под пятой
Фашистской твари разъяренной.
Мы пропоем еще, мой друг,
Не раз родные песни наши
Под громкий звон заздравной чаши,
Собравшись в тесный братский круг.
Давай усилим свой стальной
Удар по гитлеровской своре,
Чтоб стал свободным край родной,
Чтоб встречу близкую ускорить [41].*

Бойцы Карельского фронта, как и всей Красной армии, свои надежды на победу связывали со столицей. Поэтому немало их стихов посвящалось Москве, в которых выражалась гордость за ее твердость и мудрость, несущие победу:

*Москва дорогая, столица родная,
Тобой я по праву горжусь,
Тебя я в сражениях защищаю,
К тебе ежечасно стремлюсь.
Как тысяча молний в сверканье едином
Горят над Москвою огни:
Под грохот салюта, в дыму орудийном
Взлетают и тают они.
В Кремле неустанно следит за боями
Великий и мудрый отец.
И вместе с бойцами – своими сынами
Несет он фашизму конец [42].*

Думая о Москве, авторы посвященных ей поэтических строк связывали свои мысли с образом лидера своей страны, уверенно ведущего Красную армию к победе:

*На затемненных улицах столицы
Повеяло рассветным холодком.
Прохладный ветер трогает ресницы
Зенитчику в дозоре боевом.
Май зажигает солнце над страной,
Чтоб каждому весна была видна,
И на восход, на небо голубое
Товарищ Сталин смотрит из окна.
Он знает все. Он слышит гром далекий –
Железное дыхание войны;
Он видит, как идут на бой жестокий
Земли советской верные сыны.
И, поднимая выше наше знамя,
Летящее сквозь орудийный дым,
Мы знаем, что товарищ Сталин с нами,
Что близок час, когда мы победим.
Что будут дни еще светлей и краше,
Что снова май листвою зашелестит
И звездный свет кремлевских древних башен
Нам никогда, никто не омрачит [43].*

Карельский фронт среди важных стратегических задач обеспечивал и защиту с севера сражающегося в блокаде Ленинграда. Поэтому в газетах появлялись стихи, обращенные к этому героическому городу:

*Весна там начинается не рано,
Свежо дыханье северных морей.
Нева волной колышет неустанно*

Стальную грудь военных кораблей,
 О город мой! Никем не победимый,
 Носящий гордо имя Ильича,
 Любовь к тебе в сердцах неугасима
 И, как огонь священный, горяча.
 Ты был нам дорог в дни веселых песен,
 Когда ты мирно жил и процветал,
 Но стал еще милее и чудесней,
 Когда борцом, героем славным стал.
 Пусть грудь твою изранили снаряды
 Безжалостных фашистских палачей,
 Ты встал для них могучею преградой
 Среди кошмара огненных ночей.
 Навеки впишут в летописи мира
 Блистательное имя «Ленинград»,
 Где Ленин жил, где улыбался Киров,
 Где враг бежал, отброшенный назад [44].

Чем ближе сражения на Карельском фронте приближали окончательную победу над оккупантами, тем больше в армейских стихах появлялось лиризма, человеческой радости и гордости за своих друзей, за армию, за свою Родину.

Вот, к примеру, случайно встретились на дорогах войны два бывших школьных товарища, которых война сделала настоящими мужчинами, защитниками Отечества:

*Каждый думал: «Уже ли он,
 Тот, кто был тайным поэтом,
 В одноклассницу был влюблен
 И боялся признаться в этом?
 Неуклюжий, смешной юнец,
 Как он вырос в такого солдата?
 И сказали они наконец:
 «Мы как будто встречались когда-то».*
*По-гвардейски один усат,
 Длинный шрам на лице другого,
 Но, как прежде, глаза горят,
 Только нет в них смущенья былого.
 И друг друга обняв, друзья
 Вот уже расставаться готовы –
 Больше вместе им быть нельзя,
 Коли вместе хотят быть снова [45].*

Горизонт грядущей победы заставляет военных поэтов по-новому, с использованием более богатой палитры красок воссоздавать картины мест, где продолжают сражения:

*...Передний край. От дзота к дзоту.
 Траншея лентой пролегла.
 Три года матушка-пехота
 Здесь каждый камень берегла.*

*По скатам гор сбегает тропки,
 Вонзаясь в каменную грудь.
 Лощине каждой, каждой сопке
 Дано название кем-нибудь.

 Товарищ, слышишь по ночам,
 Проклятье горы посылают
 Фашистским черным палачам.
 Над сопкой проплывает вечер,
 Не хочет встретиться с луной,
 И, с гор сорвавшись, южный ветер
 Обходит сопку стороной.
 Поблекли, быстро пожелтели
 Травы весенней лепестки,
 И рано, рано поседел
 У скал холодные виски.
 В траншеях узких, будто в ранах,
 У сопки каменная грудь...
 Товарищ, слышишь, утром рано
 Взывает сопка: «Не забудь
 Березки, срубленной под корень,
 Цветочка ранней желтизны,
 За это всё, спаситель-воин,
 Сбрось гитлеровца с крутизны [46].*

В стихах все чаще звучит гордость за своих боевых товарищей, сумевших вынести все тяготы войны в условиях Севера. Боец Карельского фронта, будущий известный советский поэт Анатолий Абрамов так выразил эти чувства:

*Когда в метельную пургу
 Мы шли вперед по серым скалам
 И Кирикквиши, весь в снегу,
 Одолевали без привала,
 Когда в камнях бои вели,
 Тесня врагов без промедленья,
 Когда и близко, и вдали
 Гремело наше наступленье,
 Когда, повитая в огонь,
 Над Печенгою ночь пылала
 И каждого бойца ладонь
 Упрямею автомат сжимала,
 Тогда не знали мы, каким
 Нам именем в народе зваться,
 Каким названьем боевым
 Придётся нам ещё сражаться.
 Но мы за честь его дрались
 Уже тогда, вперед шагая,
 Уже тогда мы в бой рвались,
 О славном имени мечтая.
 И вот оно к нам донеслось
 В пути, в Норвегии суровой...
 Всё то, что есть у нас святого,*

*С тем гордым именем слилось.
Мы с этим именем дойдем
До Дня Победы, до Берлина.
Мы с ним вернемся в отчий дом,
И встретит мать с любовью сына.
И если дома, у огня,
Бои и грозы вспоминая,
«Откуда?» – спросит мать меня.
Скажу: «Из Печенгской, родная!..» [47]*

Летом 1944 г. Анатолий Абрамов посвятил свои стихи освобождению Петрозаводска :

*Победа нам в огне досталась,
Она по минам с нами шла,
Она по лесу пробиралась,
По тропке каждого села.
Она десантом, смелым шквалом
Вломила в Уйскую губу –
И с рядовым, и с генералом
Делила ратную судьбу.
Она взбурлила Чертов Омут,
Свинцом кипела на Свири –
Так шли и шли к родному дому
Мои друзья-богатыри.
Победа! Ты сроднилась с нами
И вместе с нами наконец
В Петрозаводск вошла с боями.
Вошла с винтовкой, как боец [48].*

Рассказ о поэзии Карельского фронта будет неполным, если не вспомнить о таком поэтическом жанре как песня. Командиры и бойцы любили хорошие песни, пели и сами их сочиняли. Когда в начале 1942 года через газету «В бой за Родину» политуправление Карельского фронта объявило конкурс на лучшую песню, на него откликнулось более 200 авторов [49]. Во фронтовых газетах регулярно печатали тексты, а также ноты песен, поэтому они становились широко известными, звучали и в землянке, и на артиллерийских позициях, и на военных аэродромах, и в госпиталях, помогая воинам обрести веру в скорое излечение от ран [50].

Важную роль в развитии песенного творчества красноармейцев сыграло участие в разработке этого жанра профессиональных поэтов и песенников, таких как Александр Коваленков, Бронислав Кежун, Владимир Заводчиков, Владимир Харьюзов, Аркадий Евсеев и др. Их эстафету подхватывали самодеятельные поэты-песенники: Алексей Титов, Илья Булгаков, Борис Жилкин и др.

Как вспоминал Бронислав Кежун, тексты песен рождались чаще всего в пути, под открытым не-

бом, в землянке, порой под звуки разрывов снарядов. Во многих песнях отразились характерные черты тех мест, где шли бои, природа карельского края: вековые деревья, непроходимые болота, неприступные сопки, глубокие снега, трескучие морозы... Причем говорилось об этом с легким солдатским юмором и всегда с любовью [51].

Немало песен было пронизано молодым задором и оптимизмом. Так, в песне Гинзбурга «Если сердце бьется» в первом куплете автор заявлял: «Небо голубое, солнце золотое, счастье молодое не дадим врагам», а затем в припеве делал вывод: «Если сердце бьется, бьется, если песня льется, льется, если песня звонко льется – нет преграды нам» [52]. Как вспоминала ветеран Карельского фронта Мария Яковлева, эта песня стала любимой для фронтовой самодеятельности [53]. А красноармеец Жилкин посвятил фронтовой песне такие строки:

*Завывает между сопки вьюга,
Все сковала хваткой ледяной.
Только ты лишь, песенка-подруга,
Теплотою делишься со мной.
Нас с тобой навеки породнила
Ненависть священная в боях,
Перед нами никла вражья сила,
Вспять бежал от нас с тобою враг...
Помнишь, злая смерть вокруг бродила
В грозном смерче шквального огня,
В этот час с такою страстной силой
Ты звала на подвиги меня! [54]*

Перечитывая стихи и поэмы, опубликованные на страницах красноармейских газет Карельского фронта, еще раз убеждаешься в том, что их авторы были изначально и глубоко мирными гражданскими людьми, которых вынудило взять в руки оружие вероломное нападение сильного и жестокого врага. Оказавшись на войне, они не только старались осмыслить события смертельной битвы, а скорее жили мечтами о будущей мирной жизни после победы, писали и ценили такие стихи и песни, которые были написаны войной, но, по большому счету, не о картинах войны.

Вместе с тем поэзия Карельского фронта, как и поэзия других фронтов Великой Отечественной войны, показала отличные боевые качества: высокую оперативность, меткость, большую взрывчатую силу, умение «взаимодействовать» со всеми другими родами газетного оружия, «придать» и официальному документу, и корреспонденции с переднего края, и скупому информационному сообщению энергию поэтического слова [55].

Созданные непосредственно по горячим следам событий, стихотворения военных лет и сегодня не оставляют никого равнодушным и вызывают особый читательский интерес, поскольку рассказывают правду о героическом сердце народа, вынесшем все испытания и не утратившем высоких человеческих достоинств на фронтовых дорогах.

Поэтическое измерение событий и чувств людей стало в полной мере неотъемлемой частью истории военных лет, без которой невозможно по-настоящему понять источники морального и боевого духа победителей. И теперь, когда уходят из жизни последние из тех, кто пропустил через душу и сердце эти страшные военные годы, сражаясь на фронте, в партизанском отряде или героически трудясь в тылу, идущие вслед поколения смогут узнавать о войне и о цене Победы только через книги и фильмы... Однако несомненно, что военная поэзия останется надолго одним из самых достоверных источников нашей памяти о днях войны и о ее героях.

Список литературы:

- [1] Гудовский Н. Жизнь. // Красноармейский удар. 1943. 10 августа.
- [2] Маяковский Владимир. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1958, т. 10, с. 283.
- [3] Клаузевиц К. О войне: в 2 т. / пер. с нем. М.: Гос. воен. изд., 1937. Т.1. 383 с., с. 144.
- [4] Афанасьева Ю.С. Массовая коммуникация как несилевой фактор ведения войны: история вопроса и современное состояние // Армия и общество. 2012. № 4(32). С. 65-71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kommunikatsiya-kak-nesilovoy-faktor-vedeniya-voyny-istoriya-voprosa-i-sovremennoe-sostoyanie/viewer>
- [5] Категории и термины системы знаний о войне и военной безопасности. М.: Академия военных наук РФ, 2000, с. 145.
- [6] Тихонов Н. В дни испытаний. В кн.: С пером и автоматом: Писатели, журналисты Ленинграда в годы блокады. Л., 1964, с. 20.
- [7] Часовой Севера. 1941. 6 августа, 25 августа.
- [8] Заводчиков В. Мысли и чувства пламенных советских патриотов // Часовой Севера. 1941 г. 6 августа.
- [9] Часовой Севера. 1941. 5 декабря.
- [10] Часовой Севера, 1942, 16 марта.
- [11] Занин Н. Подвиг // Красноармейский удар. 1942. 7 ноября.
- [12] Самар А.Д. «Я из войны Отечественной ро- дом...» Писатели-фронтовики Хабаровского края // Тихоокеанская звезда. 2018. 31 июля.
- [13] Динов Г. Красноармейское литературное творчество // Героический поход. 1941. 23 декабря.
- [14] Дюжев Ю. Литературное Заполярье военных лет // Север. 2015. № 5-6. – С. 21.
- [15] За Родину. 1942. 28 июня.
- [16] Иванов А. Вперед – к победе // За Родину. – 1942. 28 июня.
- [17] За родную Карелию! : Стихи поэтов Карел. фронта / Сост. С. Сулимин. – [Петрозаводск]: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1943. – 39 с. ; Заводчиков В. Под сенью гвардейских знамен [Текст] : Стихи. – [Б. м.] : Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1942. – 67 с. Кежун Б. Рассказы северных гор [Текст]: Стихи / Бронислав Кежун. – [Беломорск] : Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1942. 60 с.; Коваленков А. Ее Карелией зовут...: Фронтные стихи. Беломорск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1942. – 52 с.; Коваленков А. Ее Карелией зовут. Б. м. Действующая армия. Карельский фронт: Изд-во красноармейской газ. «В бой за Родину», 1943. – 16 с.; Коваленков А. Походная тетрадь. Беломорск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1943. – 40 с.; Шубин П. Люди боя. Беломорск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1944. Была война... Фронтная поэзия Кольского Заполярья: Сб. стихов / Сост. Д. Коржов. – Мурманск: Просветительский центр «Доброхот», Издательство «Добросмысл». 2004. – 160 с.: ил. Лебедев П.В. Песня в бою. Песни Карельского фронта. Петрозаводск, «Карелия», 1974 и др.
- [18] Быков Ф. Мы вместе с Родиной росли // Героический поход. 1941. 23 декабря.
- [19] Колесников А. Пролог к «Поэме гнева и мести» // За Родину. 1941. 28 октября.
- [20] Телешов А. Четыре сына // Героический поход. 1941. 25 декабря.
- [21] Малых Б. Седой девушке // Боевой путь – 1942. 31 августа.
- [22] Паршев И. За родной край // В бой за Родину. 1943. 21 августа.
- [23] Булгаков И. На допросе // Красноармейский удар. 1943. 5 января.
- [24] Наровчатов С. Поэзия в движении: Статьи. М., 1966, с. 142.
- [25] Руденко А. Во имя радостного дня // В бой за Родину. 1943. 18 сентября.
- [26] Попов С. Мать // Часовой Севера. 1944. 14 марта.
- [27] Ананченко В. Сердце героя // За Родину. 1942. 12 июля.

- [28] Беляев В. К любимой //В бой за Родину. 1941. 10 декабря.
- [29] Трофимов Р. Встреча //В бой за Родину. 1943.10 августа.
- [30] Александрова З. Моя любовь //В бой за Родину. 1943. 28 августа.
- [31] Заводчиков В. Песня о девушке-пулеметчице Христине Осиповне Григорьевой // Боевой путь. 1942. 6 сентября.
- [32] Кулаков Н. Летчику Валерии Хомяковой//Сталинский боец. 1942. 23 ноября.
- [33] Васьяков А. Сестра //В бой за Родину. 1942. 23 февраля.
- [34] Кухарев К. Подруге-оружейнице//Красноармейский удар. 1943. 23 июля.
- [35] Шашков Д. Расплата //Боевой путь. 1943. 18 апреля.
- [36] Шмаков И. Утро // Сталинский боец. 1942, 19 декабря.
- [37]. Кежун Б. Памятник //Часовой Севера. 1942, 19 февраля.
- [38]. Дронов Д. Отчизне // В бой за Родину. 1943. 9 сентября.
- [39] Шмаков И. Спаси //Сталинский боец. 1942. 23 ноября.
- [40] Белоконный С. Парень с Украины // Боевой путь. 1942. 10 сентября.
- [41] Гуриченко М. Другу // Сталинский боец. 1942. 26 августа.
- [42] Козинец Л. Москва //Часовой Севера. 1944.1 апреля.
- [43] Шмаков И. Утро //В бой за Родину. 1943. 4 мая.
- [44] Лашкевич О. Ленинград //Сталинский боец. 1942, 19 декабря.
- [45]Сидоров Н. Встреча // Часовой Севера. 1944. 15 августа.
- [46] Каменев В. Передний край //Часовой Севера.1944. 18 сентября.
- [47] Абрамов А. Я из Печенгской//Вперёд – 1944. 29 ноября.
- [48] Абрамов А. //Вперед. 1944. 30 июня.
- [49]В бой за Родину. 1942. 23 января.
- [50]Бескоровайный А.И. И в сердце каждом отзовется. М.: Воениздат, 1990. С. 320.
- [51]Бескоровайный А.И. Указ. соч. С. 320.
- [52] Гинзбург Б. Если сердце бьется //Сталинский боец. 1943. 12 июня.
- [53] Бескоровайный А.И. Указ.соч. С. 323.
- [54]Жилкин Б. Песня //Часовой Севера. 1944. 5 октября.
- [55]Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны//Литературное наследство. Москва : Наука, 1966. Т. 78. Кн. 1. С. 345.

Виталий Михайлович НИЛОВ

родился в 1950 г. в Минске.

В 1972 г. окончил Петрозаводский государственный университет,

где и продолжает работать в настоящее время.

Кандидат исторических наук.

Автор 130 научных работ, в том числе 6 монографий.

Занимается проблемами социологии и истории Карелии,

а также ролью местной печати в развитии культуры

и социальной мобилизации общества.

Живет в г. Петрозаводске.

